

Общие события находить и описывать легче, а вот историю каждого отдельного человека – непросто.

«Я родилась в деревне Бердовка Барзасского района (территория современного города Берёзовского). На начало войны в семье было восемь детей. Мне, самой старшей, семнадцать лет, самой маленькой – два месяца. Все мужчины деревни ушли на фронт. Приехали из Барзасского военкомата и к нам, за отцом. Предложили: «Николай Игнатьевич, может, вас оставить пока? Хоть ребяташки немного подрастут!» Отец на это ответил: «Я не могу так поступить. Я должен идти на фронт и защищать Родину и моих детей. Ведь у нас немало многодетных семей. Если все отцы останутся в тылу, кто же тогда будет защищать страну?» Вот таким честным партийцем был мой отец. А в 42-м пришло извещение, что он умер от тяжёлых ранений в Орловской области.

После проведённой мобилизации нехватку кадров вынуждены были заполнять в основном женщины, старики, подростки. Сначала я работала в колхозе, отвечала за сбор урожая. Приходилось и принимать хлеб, и самой ездить за ним на жеребце. Из-за этого меня не мобилизовали на работу на военный завод в 1943 году. Чуть позже был объявлен призыв на работу в шахты. Из деревень Барзасского района собрали нас, около 30 девушек, будущих шахтёрок. Всех привезли в Кургановку (так назывался рабочий посёлок шахты «Южная»). Провели инструктаж. Потом повели в поселковую столовую. Накормили. Выдали спецовки и после обеда – в шахту. Было это 25 сентября 1943 года, в 16 часов, четверг. Попали мы на первый участок, где начальником был Иван Петрович Абызов – пожилой, умный и добрый человек, который жалел нас. Не кричал. Всё объяснял по-хорошему. Он провёл меня на рабочее место, в лаву, где работали забойщики. Я получила лопату и пошла грузить вагоны. Работали рядом со мной и молодые женщины, и в возрасте, работали и дети – рассыльными, ламповыми, коногонами...

В шахте была конюшня из двадцати лошадей, к каждому угольному участку прикреплялось по две лошади. Каждая лошадь имела своего коногона. Лошадь везла пять вагонов по девятьсот килограммов угля в каждом. Лошадь хорошо чувствовала этот груз, и если в вагонах подавали другое количество угля, то стояла и не двигалась с места, как бы не принимая эту тяжесть...

Моей первой работой в шахте была работа отгрёбщицей. Отгребали уголь от забойщиков, чистили пути, нагребали вагоны. В 1944 году я получила серьёзную травму – тяжёлая стойка упала прямо на шею. Так как больницы в посёлке не было, увезли меня на телеге в Кемерово. Два месяца провалялась в больнице. Помню, постоянно хотелось есть. Ведь нам, шахтёрам, давали в день тысячу двести граммов хлеба, а тут – всего два кусочка. Тем не менее молодой организм пошёл на поправку. Вернулась на шахту и снова грузила вагоны.

На предприятии было развёрнуто социалистическое соревнование стахановцев. Стахановцами считали тех, кто выполнял дневное задание на сто пятьдесят процентов. Победителей соревнования в магазине обслуживали вне очереди, хотя продукты были те же. Что давали?

В месяц четыре килограмма крупы, килограмм сахара, четыре килограмма мяса (или рыбы). Зарплату выдавали чётко, а вот отпусков, выходных за четыре года не было совсем. Условия жизни и работы тех дней были очень суровые. Лопата, обушок и кирка, ручные воротки и бады – основные орудия труда и виды подъёмных механизмов. Кроме того, карточная система на все виды продовольствия, отсутствие одежды и обуви, разруха, зверски студёные зимы, продолжающаяся война, похоронок с фронта... И всё же уголь шёл на-гора! (Именно в первые годы военного лихолетья была освоена проектная мощность шахты.) Добытыми тоннами угля мы приближали Победу. И вот наконец наступил май 1945 года. Победа. Мы были на смене. Пришёл мастер, сообщил эту весть. Все повлазили из своих забоев, выслушали и... почему-то молчали. Наверное, не поверили или не осознали. Пошли дорабатывать. И только когда спустилась вторая смена, поняли, что действительно кончилась война...

После победы я продолжала работать в шахте. 31 января 1948 года случилась ещё одна беда: я попала под завал. До конца смены оставалось пять минут. Мы загрузили свои пятьдесят вагонов. Вдруг сверху звонят, что надо обязательно ещё три вагона заполнить. Пока мужчины ходили за вагонами, я очищала уголь с рельсов. Вдруг шум. И больше ничего не помню. Огромный купол угля упал на меня. Вернувшиеся шахтёры поняли, что случилось. Говорят, на мне не было ни обуви, ни головных уборов – каски, платка. Две девушки сняли с себя куртки, накрыли меня. Выбрали уголь из длинных белых волос. Они посчитали меня умершей. О случившемся сообщили матери. Как подняли из-под земли, не знаю. Перелом позвоночника, руки, ноги... Полгода лечилась... И снова молодость брала своё. Я поднялась – и опять в шахту.

162

В 1957 году вышло постановление Совмина СССР и ВЦСПС «О мерах по замене женского труда на подземных работах в горнодобывающей промышленности и на строительстве подземных сооружений». В 1958 году женщин вывели из шахты. У меня подземный стаж – пятнадцать лет восемь месяцев вместо положенных десяти. До 1987 года работала на подъёме. Спускала в шахту людей. Общий трудовой стаж составляет сорок пять лет», – читаем воспоминания Клавдии Николаевны Степановой, ветерана труда шахты «Южная», переданные с её слов Антониной Некрасовой.

А вот другая судьба того же трагического времени, также записанная Антониной Некрасовой. Тоже труженица шахты «Южная», но в силу жизненных обстоятельств, политической ситуации, определённого общественного мнения военной и начала послевоенной эпохи начавшаяся не столь героически.

«Николай Павлович Жужупал родился на Украине. Когда окончил семь классов, началась война. В 42-м немцы заняли его родное село. Все взрослые мужчины из рода Жужупалов ушли в партизаны.

– Отец погиб, – рассказывает Николай Павлович, – остались с матерью я и две сестрёнки. Жили бедно, было голодно. Немцы нас не трогали, пока не пришёл приказ: всех мальчишек двенадцати – шестнадцати лет отправить на работу в Германию. Два раза меня забирали местные полиция. Матери чем могли откупали сыновей. А в третий раз появились гестаповцы на бронемашине. В деревне рёв, детей уводят, матери бегут за ними. Страшно вспоминать...

Ростом Николай был маленький. Всё равно забрали. Оказался он в пересылочном пункте города Дуйсбург. Колю с тремя десятками мальчишек направили на мест-

ную фабрику. На ней ребята делали ящики для снарядов. Работали по двенадцать часов в сутки. Много времени занимали переходы от жилья до фабрики. Колонну сопровождали полицаи. На ногах у ребят были кожаные ботинки с деревянными подошвами, которые прилипали к асфальту и не сгибались. Поесть давали один раз в день: сто тридцать граммов хлеба, литр баланды, заваренное древесной корой питьё. В 1944 году мальчишек перевели на военный завод. Там труд был тяжелее. Подростки переносили снаряды весом пятьдесят – сто килограммов. Покачивало от усталости, но нельзя было сесть и отдохнуть: рядом стража. Однажды мальчишки забастовали. Немцы вывезли подростков в лес.

– Думали, конец нам, расстреляют, – вспоминает Николай Павлович, – высадили на поляне у озера. Стали угрожать: «Расстреляем, сбросим в воду». Но рабочей силы у немцев уже не хватало. И они стали распределять нас на разные работы. Меня и ещё семерых пацанов прикрепили к огороду, где росли салат, огурцы. В апреле 1945 года нас освободили американцы.

Николая и всех ребят передали советскому командованию. Мальчишек посадили в товарные вагоны и повезли на восток: на работу в Сибирь. Поэтому особой радости от освобождения не было. Несколько человек попали на шахту «Южная» в Кургановке. На работу водили колонной под конвоем. Работу давали потяжелее, где больше воды и грязи. Обували в чуни, касок не выдавали. После смерти Сталина жизнь ребят постепенно налаживалась. Стали обычными рабочими. Николай Павлович трудился на «Южной» до 1989 года. В тридцать два года он стал Почётным шахтёром. Награждён юбилейными медалями. А ещё – медалью «Непокорённые».

Легендарная шахта «Южная» – промышленный тыл Великой Отечественной... Наряду с другими предприятиями угольной и оборонной промышленности Кузбасса ковала общую Победу, а после её наступления восстанавливала разрушенное в стране войной хозяйство.

Труженики этой шахты, жители рабочего посёлка, педагоги и учителя, самые обычные люди – земляки, те, что живут совсем рядом, через дорогу, с кем встречаешься в каждодневном своём труде – герои воспоминаний и книги Антонины Некрасовой.

Антонина Александровна – человек в городе Берёзовском известный. Бывший учитель, краевед, внештатный корреспондент городской газеты с самого дня её рождения, автор нескольких книг, одна из которых – «Воспоминания о шахте «Южная». В её книге шахта предстаёт не просто предприятием, а родным домом для тех, кто оказался связанным с ней всей своей судьбой.

Сама Антонина Некрасова более сорока лет проработала в школе № 2 г. Берёзовского учителем, а потом директором. Школа эта начиналась с Крохалёвской начальной школы, потом называлась Кургановской средней школой (выпускницей которой была и сама Антонина), школой № 22 Рудничного района, школой № 70 г. Кемерово и лишь с 1965-го – года образования города Берёзовского – стала школой № 2 этого города. Семидесятилетнюю родную школу посвящена книга Антонины Некрасовой «Школа – моя жизнь». О школьной жизни кургановской рабочей молодёжи другая книга – «А вы учились в ШРМ?». В этой школе ей также довелось проработать директором – семь лет, и она пишет о «своих далёких вечерниках, которых выпускала ежегодно до 100 человек».

Последняя из книг Некрасовой вышла в 2010 году – «Судьбы страны и моего рода». В ней автор прослеживает

ет свои исторические корни, своё родословное древо с конца XIX века, показывает взаимосвязь судеб своих предков с происходящими масштабными событиями всей страны: Октябрьской революцией, Гражданской войной, отступлением Колчака, раскулачиванием, Великой Отечественной войной, перестройкой...

«Родители моей матери и их малолетние дети проживали в деревне Барановка. Происходило в этой деревне историческое событие – отступление колчаковских войск. Мама оставила много записей... Было ей в ту пору четырнадцать лет. Военные-белогвардейцы два дня жили, ели, спали в деревне. Мама помнит такой факт: один из офицеров оставил полуторогодовалого ребёнка, мальчика, на попечение деревенских жителей, сказав, что вернётся за ним, но впереди был знаменитый бой у Дмитриевки, из которого никто не вернулся, а мальчик так и остался в деревне. В ней и вырос...».

В 2014 году Некрасова приступила к написанию новой книги – «Дети войны». Её герои – дети восьми – двенадцати лет из Кургановской школы, пришедшие работать на шахту «Южная». Директор шахты, конечно, не мог принять малолетних детей на такой тяжёлый труд. Но, жалея семьи и самих детей (ведь работающим на шахте полагался продуктовый паёк), принимал, придумывая разные спецоперации: «лампоносы», «письменосы», «кононосы»... Например, девочки доставляли шахтёрам под землю письменные сообщения, телефонов ведь не было. А лампоносы выносили сгоревшие лампы из шахты, а шахтёрам передавали заправленные. Взрослым во время смены нелегко было по пять – шесть раз ходить по ходкам в шахту, а дети бегали.

Отдельная группа героев книги – дети, собранные с освобождённых территорий, которых отправляли в детские дома, где растили, учили, давали профессии, многие из таких детей потом оказывались на работе в шахте. Также автор прослеживает судьбы детей, попавших в немецкие лагеря, это касается истории поволжских немцев.

Стиль книг Антонины Некрасовой, по мнению читателей, особенный. Ведь почти со всеми героями своих книг она прожила большую часть жизни вместе. В своих сочинениях автор предстаёт не сторонним наблюдателем, а исследователем, глубоко переживающим за всё, что происходило и происходит в её родном крае. А потому строки её книг «не простые, а выстраданные», в них особая атмосфера воспоминаний – «глубоко личных, берущих за душу с первых строк». Полвека существует берёзовская городская газета, столько же дружит с ней внештатный корреспондент Антонина Некрасова – «рабкор рабочей окраины», с которой город Берёзовский, собственно, и начинался. Многие из её газетных публикаций вплетены в нить повествования её книг. Отсюда живость изложения, свежесть впечатлений. Как будто сам присутствуешь на месте описанных событий, а герои книг – родные тебе люди, настолько понятно в них тебе всё. Вот как сам автор говорит об этом: «В городскую газету писала статьи о жизни школы, посёлка, о людях. Писала много, и всё печатали. Думаю теперь, как здорово, что удалось собрать рассказы старших поколений, живших в войну. Ведь жила среди этих людей... Листаю сейчас страницы моих книг, рассматриваю фотографии – почти никого в живых нет. Но хоть память о них останется в книгах».